

Глава 86: Ожидания и одиночество

Когда Е Цинсюань, наконец, проснулся, уже были сумерки. Он был в академической больнице. Музыканты хора сказали ему, что он в порядке, но использовал слишком много ментальной энергии и пострадал от сильного недоедания. Это не казалось чем-то неизлечимым, но так же и не было обычной травмой.

"Оплата будет отменена. Благодаря тебе, мы смогли провести большую операцию." Доктор взволнованно потер руки, прежде чем уйти. "Если ты сможешь отправить сюда больше богатеньких мальчиков, чтобы они стали нашими подопытными...мы будем отдавать тебе 20%!" После этого дверь захлопнулась. Единственный человек, оставшийся в больничной палате, был тихий Авраам.

Он осматривал Е Цинсюаня, своими мутными глазами, это заставило Е Цинсюаня почувствовать себя немного смущенным. - "Профессор, что случилось?"

Авраам молчал. Его металлический палец стучал по колену, как бы стараясь найти подходящие, нежные слова для разговора, но в конце концов, он сдался из-за отсутствия социальных навыков. Вздыхнув, он сдался. "Почему ты не выложился на полную?" - прямолинейно спросил он, поднимая голову. - "Ты был с ним слишком мягок."

Е Цинсюань замер, улыбка на его лице застыла. "Вы так думаете?" Он почесал щеку, пытаясь снять напряжение в воздухе, но Авраам молчал, ожидая его ответа. Он пропустил самый важный момент.

В то время Дыхание дракона все еще находилось в стадии формирования. Для того, чтобы уничтожить матрицу, потребовалось бы время двух вздохов, но этого было достаточно, чтобы план Эдмунда рухнул, а он сам сгорел до хрустящей корочки в своем собственном катастрофическом огне. Он бы не выжил, и не был бы так ненавистен другим. Если бы Е Цинсюань был немного жестче, если бы он убил Эдмунда...

"Было бы хуже, если бы я сделал это, не так ли? Последствия убийства тяжелы. Их возмездие, вероятно, будет еще хуже, и вы столкнетесь с давлением и ... " - заикался Е Цинсюань. Но, видя глаза Авраама, он не смог договорить.

Авраам посмотрел на него и тихо спросил: "Еци, это не то, о чем ты беспокоился, верно?"

"Профессор, я не понимаю," - ответил Е Цинсюань, расстроившись. "Разве я не вложил все свои силы? Я, итак, очень сильно потрудился. Послушайте, я выиграл."

"Победа-это результат," - нейтрально ответил Авраам. "Показать все, на что ты способен — это решимость играть во все."

Е Цинсюань замер. После долгого времени, он уныло опустил голову. "Профессор, вы хотите сказать, что я должен был убить его?"

"Еци, я не знаю, как ты смотришь на музыкантов, но мы не такие святые, какими люди считают нас. Бывает это просто такая работа. Иногда работа грязная, иногда нет, но даже самые добродетельные музыканты не могут иметь чистые руки. Ты понимаешь?" Авраам смотрел на него. "Убийство это всегда ужасно, но иногда плохие вещи могут быть хорошими решениями, потому что независимо от того, что ты выберешь, ты никогда не должны выбирать слабость. Слабость означает, что ты можешь выжить только из-за жалости твоих врагов."

Е Цинсюань ответил: "я... уяснил."

"У тебя не будет возможности обдумывать каждый раз!" Авраам поднял свой голос. "Быть слабым в борьбе между музыкантами-это быть безответственным со своей собственной жизнью. Твои враги слабы до такой степени, что тебе нужно жалеть их?"

Е Цинсюань поник, не в силах возразить.

Видя его мрачность, Авраам вздохнул и тихо сказал: "Я надеюсь, что это был твой последний раз. Еци, я не хочу видеть, как мои ученики умирают раньше меня."

"Я ... "- опустив голову, ответил Е Цинсюань, - "я понимаю."

"Сейчас не лучшее время для этой темы. Отдохни и поговорим позже", - сказал Авраам немного неуклюже. Он встал и попрощался. Перед тем, как открыть дверь, он снова замешкался и оглянулся на своего ученика. "Еци."

"Да?" Юноша поднял голову.

"Поздравляю", - сказал он тихо, его выражение выдавало как неловкость, так и счастье. "Это то, что я планировал сказать."

Дверь беззвучно закрылась.

--

После долгого времени, кто-то прокрался внутрь. Оглядываясь по сторонам, чтобы проверить, что вокруг никого нет, он направился к кровати. Взяв в руки корзину с фруктами, он начал есть.

Увидев юношу глубоко в раздумьях, он ударил его по затылку: "Эй, парень, что случилось?"- Чарльз понизил голос и заговорил, как странный пьяный дядя, - "Ты расстроен секретами

молодости? Не волнуйся, позволь мне рассказать тебе..."

То, что он получил взамен, было средним пальцем. "Старший, я бы хотел, чтобы ваш уровень интеллекта был немного более стабильным."

"О, ты выглядишь прекрасно! Я немного заволновался, пока не подслушивал." Чарльз пожал плечами и хлопнул Е Цинсюаня. "Расслабься немного. Профессор хочет лучшего для тебя, как и я, верно?"

"Я знаю." Е Цинсюань помассировал виски и оперся на изголовье кровати. "Вот почему у меня болит голова."

"Почему?" - Спросил Чарльз.

"Знаешь, я ... действительно ненавижу, когда другие люди возлагают на меня большие надежды." Организуя свои мысли, Е Цинсюань тихо сказал: "надежды и ожидания заставляют меня чувствовать, что если я не сделаю что-то, если я не достигну цели или не изменюсь, я стану большим неудачником." Он думал о священнике и лице своего профессора, и он не мог не вздохнуть. "Чем больше люди думают о тебе, тем больше они будут разочарованы. Если это так, почему они все еще имеют большие ожидания?"

"...Это то, о чем ты беспокоишься? - Пробормотал Чарльз. - "Не будь таким Чжун'Эр, Еци."

"Что такое Чжун'Эр?"

"Это болезнь, которая снижает твой интеллект и превращает тебя в хипстера. На поздних стадиях ты будешь думать, что только ты можешь спасти мир. Ты победишь большого демона для своей девушки, или просто захочешь уничтожить мир..."

"Это звучит довольно неплохо?"

"На самом деле все не так плохо." - Чарльз вздохнул и почесал голову. После долгого времени, он поднял глаза. "Еци, тебе уже семнадцать лет. Я не знаю, как сказать тебе это: ожидания могут давить на тебя, но, если ты не хочешь, чтобы у людей были высокие ожидания, ты ... будешь одинок."

"Нет ничего плохого в том, чтобы быть одиноким," - пробормотал Е Цинсюань. "Я счастлив, даже когда я один."

Услышав это, Чарльз рассмеялся, как будто это была наивная шутка. - "Еци, ты можешь быть счастливым, а можешь быть одиноким. Но нельзя быть счастливым и одиноким ... " - тихо сказал он, - "... ты лжешь себе."

--

Юньлоу Чаоюэ прогуливалась по тихому переулку в сумерках. Она смотрела на странный пейзаж чужого города. Она опустила голову, измеряя длину каждой плитки своими шагами.

Позади старая прислуга следовала за ней. Наблюдая за спиной принцессы, она хотела спросить, но колебалась.

"Что случилось, Няня?" Юньлоу Чаоюэ посмотрела на нее. - "Ты хочешь мне что-то сказать?"

Няня опустила голову и тихонько посоветовала: "Принцесса, Вы потомок небес, но это варварская земля. Если что-то случится..."

Юньлоу Чаоюэ покачала головой. "Здесь больше никого нет. Няня не должна называть меня по моему титулу."

"Но Вы Принцесса, как..."

Услышав ее слова, Юньлоу Чаоюэ кивнула, вдруг поняв: "Кажется, что Юньлоу Цинси не сказал тебе ничего."

Старая служанка поежилась. После долгого времени, она, наконец, пошевелила губами. "Принцесса, Вы опять шутите."

"Я не шучу." Юньлоу Чаоюэ остановилась в тихом переулке и оглянулась на нее. "Разве ты не верна моему "дяде", "истинному правителю" города Юньлоу?"

Прислуга молча посмотрела на нее. Страх в ее глазах потух. "Ничто не ускользнет от глаз принцессы, как и ожидалось. Но я не понимаю, где я ошиблась."

Девушка покачала головой. "Няня, ты хорошо справилась. Ты преданна и трудолюбива. Не было никакой ошибки."

"Тогда почему..."

"Няня, ты знаешь, что у западных людей есть поговорка, что глаза-это зеркало души?" Юньлоу Чаоюэ посмотрела ей в глаза, ее взгляд был холоден, как всегда. "Эта поговорка очень точна. Каждый раз, когда я смотрю в твои глаза, я чувствую, что ты что-то скрываешь в своем сердце."

Опешив, слуга вздохнула. "Я вижу. Вы знали ... с самого начала?" Она подняла руку и убрала

шпильку, распустив свои седые волосы. Под звуки хруста суставов, ее сгорбленная спина постепенно выпрямилась. Возрастные пятна и морщины на ее лице дрожали и корчились, прежде чем, наконец, исчезнуть. Под юбкой у нее задрожали набухшие мышцы, а затем сжались. Вместо этого ее кости расширились, укрепляясь. Кожа на тыльной стороне руки сжалась, становясь чешуйчатой, как у рыбы. В мгновение ока она больше не была честной и смиренной служанкой. Она стала свирепой, ее глаза были острыми. Звериное лицо растянулось на ее коже.

"Где остальные? Скажи им, чтобы вышли." Юньлоу Чаоюэ огляделась вокруг небольшой аллеи. "Трудно найти тихое место в Авалоне."

Легкие шаги звучали, как только она договорила. Двое мужчин в одеяния, вышли из воздуха с обеих сторон небольшого переулочка. Они двигались быстро, и их лица были размытыми, как у призрачных духов. Один носил пипу* и был окружен танцующими призраками. У другого был Хуцинь** на спине и облако под ногами. Их странные тела резонировали с внешним миром. Все трое были сильными музыкантами, которые преодолели барьер познания-музыканты резонанса.

*(Пипа: китайский 4-струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни. Один из самых распространённых и известных китайских музыкальных инструментов. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Пипа_\(музыкальный_инструмент\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Пипа_(музыкальный_инструмент)))

** (Хуцинь: Китайский струнный смычковый музыкальный инструмент, род скрипки. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хуцинь>)

P.S. Вступайте в наш паблик в ВК: https://vk.com/holy_inquisition